

**НОВЫЙ
Журнал**

190 - 191

**THE NEW
REVIEW**

1993

THE NEW REVIEW Новый Журнал

Основатели М. Алданов и М. Цетлин — 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карпович

С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев

С 1966 по 1975 редактор Роман Гуль

С 1975 по 1976 редакция: Р. Гуль (главный редактор),

Г. Андреев, Л. Ржевский

1978-1981 редактор Роман Гуль

1981-1983 редакция: Роман Гуль (гл. редактор)

Е. Магеровский

1984-1986 редакция: Роман Гуль (гл. редактор),

Ю. Кашкаров, Е. Магеровский

1986 Редакционная коллегия

1990 главный редактор — Юрий Кашкаров

пятьдесят второй год издания

*Главный редактор
Юрий Кашкаров*

*Редакционная коллегия
Вадим Крейд
Марк Раев
Всеволод Сечкарев
Игорь Чиннов
Зоя Юрьева*

*Секретарь редакции
Александр А. Пушкин*

Обложка работы Мстислава Добужинского

THE NEW REVIEW
MARCH-JUNE 1993
©1993 by THE NEW REVIEW

Присланные рукописи не возвращаются

Просим издательства, редакции газет и журналов СНГ всякий раз ставить нас в известность о намерении перепечатать произведения, когда-либо помещенные на страницах "Нового Журнала".

Редакционная коллегия

NEW REVIEW (ISSN 0029-5337) is published quarterly by New Review Inc., 611 Broadway, #842, New York, N.Y. 10012. Second Class postage paid at New York, N.Y. Publication No. 596680. POSTMASTER: Send address changes to the New Review, 611 Broadway, #842, New York, N.Y. 10012.

*Printed in USA by COMPUTOPRINT Corporation
35 Harding Avenue, Clifton, NJ 07011-2209
1 (201) 772-2166 Fax 1 (201) 772-1963*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. Плешаков</i> — Записки мыши	5
<i>Е. Витковский, Е. Клюева, М. Шраер, М. Георгадзе,</i> <i>А. Шельвах, М. Хлебникова</i> — Стихи	33
<i>В. Агафонов</i> — Туманы прародины	43
<i>И. Муравьева</i> — Над белыми облаками	54
<i>А. Книпер</i> — Маленькие рассказы (Спектакль "Забавный случай". Самозванка. Кармен. Как я был в Японии)	73
<i>Е. Герцык</i> — Мой Рим	82
<i>Б. Садовской</i> — Рассказы в стихах и прозе (Конец Фауста. Дама Червей. Первое марта. Лео-Ли. Сон. Кровь). <i>Предисловие и публикация С. Шумихина</i>	118
<i>И. Лукаш</i> — Рассказы (Граф Брюс. Людовик в Митаве). <i>Вступительная заметка А. Богословского</i>	158
<i>В. Розанов</i> — Мимолетное. 1915 год. <i>Публикация</i> <i>А. Николюкина</i>	171
<i>Г. Кружков</i> — Одиссея Эдварда Лира. <i>Приложение: Стихи</i> <i>Э. Лира и У. Б. Йитса</i> в переводе <i>Г. Кружкова</i>	258
<i>В. Синкевич</i> — "Пилатов грех" в творчестве Леонида Ржевского	287
<i>М. Голубков</i> — Химеры из хаоса. Литература на обломках империи	293

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

<i>гр. А. Комаровская</i> — Молодые годы Юрия Самарина	304
<i>А. Бахрах</i> — По памяти, по записям...И	330

ФИЛОСОФИЯ. ИСКУССТВО

- А. Белый* — О Софии-Премудрости. Публикация
и вступительная статья *И. Вишневецкого* 418
- В. Завалишин* — Квантовый классицизм Эрнста
Неизвестного 428

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

- Ариель (Е. Витковский)* — "В день кончины моей". Памяти
Валерия Перелешина. *В. Перелешин* — Каждому из многих;
М. Могиланский — Памяти Н. В. Первушина; *Группа друзей*
— Памяти Юрия Айхенвальда 447

БИБЛИОГРАФИЯ

- К. фон Кнорринг* — Н. Кононов, Пловец; *А. Сумеркин* —
Н. Сарафанников, Черствые именины; *Е. Димер* — Первая книга
молодого поэта (Влад Толмачев) 458

УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ "НОВОГО ЖУРНАЛА"

- С 1 ПО 190/191 КНИГУ 469

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

”В день кончины моей” Памяти Валерия Перелешина

”В день кончины моей
Хлынут астры и ленты.
Сразу станут добрей
Господа рецензенты”.

Вот и пришел день кончины: поэт Валерий Перелешин умер в Рио-де-Жанейро 7-го ноября 1992 года, полгода не дожив до своего восьмидесятилетия. Ни астр, ни лент ниоткуда не хлынуло, а вот рецензентам пришлось подобрать несколько раньше.

Во второй половине 80-х годов даже литературным врагам пришлось свыкнуться с мыслью, что в Рио-де-Жанейро живет классик русской поэзии. Кто-то едва ли не иронически наградил его титулом: ”Лучший русский поэт Южного Полушария”. Перелешин на этот титул не обиделся, принял, как должное. Шестьдесят лет литературной работы, тринадцать поэтических сборников, не считая переизданий, книга воспоминаний ”Два полустанка”, большая мемуарная ”Поэма без предмета”, четыре книги поэтических переводов с китайского, английского, португальского: всего двадцать книг. А еще — сборник стихотворений, написанный по-португальски, а еще — перевод на португальский язык ”Александрийских песен” М. Кузмина, а еще — неизданного осталось самое малое столько же, сколько изданного и разбро-санного по периодике.

Отнюдь не дожидаясь "дня кончины", литературоведы сравнивали его, как мастера стиха, — с Вячеславом Ивановым, как визионера-философа, — с Даниилом Андреевым, как бесстыдника-охальника, — с Михаилом Кузминым, ну, а за книгу воспоминаний о литературной жизни русских в Китае в 30-е — 40-е годы "Два полустанка" досталось ему от живых персонажей не меньше, чем Георгию Иванову за "Петербургские зимы".

Не обошла его и слава в России, где Перелешина стали печатать с 1988 г. в "Огоньке", "Новом мире", "Литературной учебе"; последней прижизненной публикацией оказалась подборка из двух десятков древнекитайских стихотворений на страницах возрожденного во Владивостоке альманаха "Рубеж". Летом 1932 г. Перелешин дебютировал на страницах харбинского еженедельника "Рубеж"; он окончил странствие земное опять-таки на страницах "Рубежа" в конце 1992 г., шестьдесят лет спустя. В первом номере владивостокского альманаха имя Перелешина было помещено в числе членов редакционной коллегии. Во втором, увы, оно будет стоять в траурной рамке. А его сотрудничество с "Новым Журналом" растянулось на четверть века, на сотню номеров: впервые стихи Перелешина появились в № 88.

Архив поэта достаточно велик, основную его часть хранит в Лейдене, в Нидерландах, проф. Ян-Паул Хинрихс, меньшую берегу я в Москве — меня еще в начале 70-х годов Перелешин наградил псевдонимом "Ариель". За все двадцать лет переписки мы с поэтом никогда не виделись. Так я и остался для него шекспировским "духом воздуха". Наверное, оно и к лучшему. В разное время с Перелешиним встречались мои московские друзья-поэты: на поэтическом фестивале в Роттердаме с ним познакомился Евгений Рейн, в Рио-де-Жанейро навестила Тамара Жирмунская, но земная наша встреча отложилась до следующего рождения, если Богу будет нужно послать нас в мир еще раз.

В начале 70-х годов я раздобыл адрес Валерия Францевича и написал ему: нравятся мне ваши стихи и прежние, и новые, и спасибо вам за то, что вы их пишете. Перелешин мне ответил, к тому же оба мы были увлечены собиранием наследия Арсения Несмелова, который Перелешина — по его собственному признанию — "благословил в литературу". Насобирали мы много, да и

тем для переписки у поэта-эмигранта с молодым москвичом было предостаточно. Так и шли письма довольно ровным потоком в оба конца, покуда не обратили на себя внимания бдительного ока советской почты. Письма стали пропадать, доходило едва ли одно из пяти. Потом приключились в моей жизни семейные перемены, которые Перелешин воспринял как нечто вроде предательства — и в конце 1974 г. переписка оборвалась.

В 1976 г. наведаясь из Западной Германии в Москву мой дядя, в прошлом — химик, а на старости лет филателист Рудольф Райнбах, чья переписка с Перелешиним не угасала до самой смерти дядюшки Рудольфа в 1985 г. И вынул дядюшка из внутреннего кармана пиджака провезенный через все таможенные рогатки, отпечатанный в "Посеве", довольно толстый том: Валерий Перелешин — "Ариель. Девятая книга стихотворений". 153 сонета и к ним еще венок сонетов "Звено" с предисловием мудрейшего Ю. П. Иваска. В первом же сонете мое "тогдашнее" имя "Женя Витковский", обращенное в четырнадцать начальных букв акростиха, давало ясную расшифровку — кто же такой "Ариель". Да еще и в магистральном сонете венка прочитывалось то же самое. Честь для меня была немалой, хотя и неприятностей можно было ожидать соответственных.

Но терять мне было уже особо нечего, и переписку с Перелешиним я возобновил — на этот раз без помощи официальной почты. Тем более, что неприятности у меня начались в самом деле: дважды провалили при приеме в Союз Писателей, практически закрыли возможность печататься. Но чем больше отнимают, тем меньше страх потери. На жизнь я зарабатывал... торговлей собаками.

Переписка с Перелешиним вновь заглохла лишь в 1980 г., да и то "ни по чьей" вине: налаженные внепочтовые каналы пересылки писем исчерпали сами себя. Молчание длилось до 1988 г. И вновь наша переписка продолжалась три года. Последнее письмо Перелешина ко мне датировано 18 октября 1990 г., а позже к поэту, увы, пришла болезнь. Последнее, что мы в России от него получили — открытку от марта 1991 г., адресованную дочери Арсения Несмелова Наталии Митропольской в городок Верхняя Пышма под Екатеринбургом.

Доходили слухи о его смерти — и всякий раз не подтверждались. Последнее, что было ему дано в литературе — увидеть опубликованным в московском журнале "Проблемы Дальнего Востока" свой поэтический перевод трактата Лао Цзы "Дао дэ цзин" (1990, № 3), двадцать лет не находивший издателя на Западе, еще — в последних, осенних письмах того же года, согласовать со мною состав своей большой подборки, которой он будет представлен в четырехтомной антологии русской зарубежной поэзии первой и второй волн эмиграции "Мы жили тогда на планете другой". По просьбе Перелешина в состав книги попал сонет "Снилась вода" — Перелешин пожаловался, что этому стихотворению "все не везет", никто его печатать не хочет.

А потом раздался звонок от Хинрикса из Голландии: Перелешин умер. И почти сразу следом — какое-то вовсе неожиданное, посмертное чудо: позвонила из Мюнхена замечательная поэтесса Ирина Бушман и в разговоре упомянула, что "вот Перелешину сонет написала". Ни лично, ни письменно Ирина Николаевна и Валерий Францевич знакомы не были. Сонет "написался сам", притом седьмого ноября 1992 г. Бушман посвятила стихи поэту, а вышло — памяти поэта.

В 1989-1990 г.г. Перелешин писал, что стихов больше не напишет: неоткуда им больше взяться. То ли подломило его "московское признание", то ли просто срок пришел. У меня в архиве лишь одно его стихотворение, датированное девяностым годом. В последней строфе по именам названы те, кого он любил. И кому не посвятил целую книгу.

Долг преемственности велит поставить под этими немногими словами прощания тот псевдоним, который мне подарил Перелешин.

Ариель (Е. Витковский)

Валерий Перелешин*КАЖДОМУ ИЗ МНОГИХ*

Первый Флавий, которого знал я, был сыном посла
Посрамленной России, участника переговоров
В дальнем Портсмуте, противоборца не меньшего зла:
Унижался медведь, отъедался прожорливый боров.

Я запомнил беседу о смысле церковных имен, —
Что "Валерий", от vale, — несет пожеланье здоровья
К неизбежной разлуке: девизом таким осенен,
Быть я должен монахом — не в память ли средневековья?

"Герман" — брат по отцу, и в пекинской обители я
Этим именем запросто звал простецов и ученых:
Монастырь — по заданью — по сосенке с бору — семья
Одиночек в быту и к тому же Христу привлеченных.

"Ну, а явно латинское "Флавий"? — Тут Коростовец
Перевел: это "рыжая лошадь", и над невпадом
Засмеялся, а в обществе славился он, как мудрец,
Чьи остроты и шутки взвивались игровым каскадом.

Он в Австралии умер тому полстолетья назад:
Погрузились в нирвану и сын, и жена, и невестки.
Я в Бразилии жизнь доживаю, но мой невпазд,
Мой печальный закат угасает в нечаянном блеске.

Как поэт я замечен в когда-то враждебной Москве
(Возмещение суждений бессудных и дерзких заглавий)
И с бразильцами многими дружен: стоит во главе
Девятнадцатилетний услужливый беленький Флавий.

Возвращается ветер? Бесследно потерян Китай:
Тан Дун-тянь, Бай Цзи-чжан и Лю Син — в океане иголки.
Твой поэт одинок. Если хочется, перечитай
Или перелистай уцелевшие письма на полке.

21 апреля 1990 г.